

ВЕТКИ РЕАЛЬНОСТИ

A woman with long, wavy red hair and a green, long-sleeved, floor-length dress stands on a cobblestone path. She is looking directly at the camera. The path splits into two directions, leading to two different houses. On the left is a traditional wooden house with a gabled roof and a chimney. On the right is a more modern house with a large glass extension and a metal roof. The sky is overcast and grey.

Ладодя

Ладодея Ладодея

Ветки реальности

<https://litres.ru/74076531>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад Лада исчезла. Спустилась в погреб за огурцами — и не вернулась.

Её муж Женя обыскал всё в округе. Подруги Василиса и Соня десять лет ставили свечи в церкви и искали её в группах пропавших без вести.

Весь мир решил: Лада мертва.

Только она сама была жива. В другой реальности. Где у неё другой муж, другие дети, другая жизнь. Где она даже не подозревала, что Женя её не бросал — что он просто остался в другой жизни...

А теперь она вернулась. И всё рушится.

Потому что погреб оказался дверью. А Лада — не просто путешественницей между мирами. Она умеет создавать новые ветки реальности. Силу мысли, которая превращает в реальные миры.

Но у каждой созданной ветки есть цена: память

Сколько жизней можно прожить, прежде чем забудешь, какая из них — настоящая? И что важнее — любовь, которая ждала, или любовь, которая осталась ждать?

Книга о том, что реальность — это не то, что с нами происходит. Это то, что мы выбираем помнить.

Изображения созданы на платформе "Шедеврум"

Содержание

Глава 1

5

Глава 2

15

Ладодя

Ветки реальности

Глава 1

За окном барабанил дождь, создавая идеальный саунд-трек для вечера сплетен и глинтвейна. На просторной кухне, залитой тёплым светом модных светильников, пахло корицей, дорогим парфюмом Василисы и тем особым, ни с чем не сравнимым ароматом женской дружбы, когда три подруги собираются вместе и мир на два часа перестаёт существовать за пределами их разговора.

Сегодня была годовщина. Ровно десять лет с того дня, как Евгений исчез.

— Я до сих пор не понимаю, как ты его терпела, Ладуш, — Соня драматично отхлебнула вино, едва не опрокинув бокал на белоснежную скатерть. — Ты спустилась в погреб за огурцами, вернулась наверх, а его уже нет! Ни записки, ни вещей. Просто смылся, оставив тебя с ипотекой и этим скрипучим сараем вместо дома. Классический побег труса!

Лада улыбнулась, но улыбка вышла какой-то деревянной. Она посмотрела на свои руки — гладкие, ухоженные, с аккуратным маникюром. Руки женщины, у которой всё хорошо. Руки женщины, которая научилась жить дальше.

А что такое "дальше"? — подумала она вдруг с пугающей ясностью. Это когда ты перестаёшь оглядываться? Или когда просто устаёшь смотреть назад?

— Ой, да ладно тебе, — Василиса махнула рукой, звякнув браслетами. — Зато теперь у тебя есть Олег. Нормальный мужик. Храпит, конечно, как трактор «Беларусь», но зато деньги в дом приносит и детей любит. Егорка вон уже во втором классе отличник, а Анютка такая художница!

Лада кивнула, чувствуя, как внутри разливается привычное, уютное тепло. На втором этаже действительно спали её сокровища: семилетний Егор и пятилетняя Анна. А в спальне мирно посапывал Олег, вернувшийся из командировки и вырубившийся с такой скоростью, что Лада даже не успела рассказать ему про новую акцию в супермаркете.

Этот дом, когда-то старый и обшарпанный, теперь был их крепостью. Капитальный ремонт, тёплые полы, умный дом. Всё было идеально. Кроме одной маленькой, занозистой мысли, которая точила Ладу изнутри ровно десять лет.

Женечка. Первая любовь. И первая, самая тупая боль.

Она помнила тот день до тошноты чётко. Они тогда только купили этот дом. Она спустилась в погреб за банкой огурцов, споткнулась на старой ступеньке, больно ударилась коленкой, выругалась и поднялась наверх. А Жени не было. Его куртки не было в прихожей. Машины не было во дворе. Никакой записки. Полиция разводила руками, бормоча про «бытовые срывы», но для Василисы и Сони, сидящих сейчас за её столом, ответ был очевиден: он струсил. Он не выдержал ответственности, собрал вещи и сбежал, бросив её одну.

Странно, как работает память, думала Лада, глядя на огоньки свечей. Она не хранит события, как фотографии в альбоме. Она их перерисовывает каждый раз, когда ты к ней обращаешься. И с каждым годом картинка становится всё более... удобной. Для той версии реальности, в которой ты живёшь.

— Лада, у нас закуска кончилась, — Соня вернула её в настоящее, постукивая пустой тарелкой. — Есть ещё те самые, фирменные огурчики?

— Конечно, — Лада вздохнула, поднимаясь из-за стола. — Сейчас спущу. Они в погребе, на дальней полке.

Олег их терпеть не мог, называл «бабушкиным балластом», но Лада раз в год тайком заказывала у одной старушки на рынке. Просто чтобы чувствовать связь с прошлым, которого уже нет.

Она взяла со столешницы мощный светодиодный фонарик и направилась в коридор.

— Только не задерживайся! — крикнула ей вслед Василиса. — А то мы тут без тебя весь его генофонд обсудим!

Подруги рассмеялись. Лада улыбнулась в ответ, но как только тяжёлая утеплённая дверь погреба с тихим шипением доводчика захлопнулась за её спиной, веселье оборвалось.

Внизу было тихо. Слишком тихо. Гул дождя и голоса подруг исчезли мгновенно, словно их выключили пультом. Воздух здесь всегда был прохладным, но сегодня в нём висела странная, густая тяжесть. Пахло не просто сыростью, а чем-то знакомым до тошноты: мокрым кирпичом, старой древесиной и... свежим, настырным запахом укропа.

Странно, подумала Лада, наморщив нос. Укроп мы в этом году не закатывали. Откуда этот запах?

Она включила фонарик. Луч света выхватил ряды аккумуля-

ратных стеклянных банок на новых металлических стеллажах. Пол был залит ровным, чистым бетоном. Всё было современно, безопасно и скучно. Банка с огурцами стояла на самой верхней полке, у дальней стены.

Лада встала на нижнюю ступеньку небольшой деревянной стремянки, которую Олег забыл здесь после поклейки обоев, и потянулась вверх. Пальцы коснулись холодной металлической крышки. Она обхватила банку и дёрнула на себя.

В этот момент раздался тихий, предательский треск.

Стремянка не просто пошатнулась. Одна из её ножек соскользнула с раскрошившегося края бетонной плиты. Лада ахнула, потеряла равновесие и полетела вниз.

«Ну вот, — пронеслось в голове с пугающей ясностью. — Если я сейчас сломаю шею из-за банки с огурцами, Олег будет в бешенстве не из-за моей смерти, а из-за того, что ему придётся объяснять это страховой компании. "Да, она упала. Да, из-за огурцов. Нет, я не смеялся, когда она падала. Я спал наверху..."»

Но удара о твёрдый бетон не последовало.

Вместо этого мир на долю секунды вывернулся наизнан-

ку. В ушах взорвался пронзительный звон, словно лопнула натянутая до предела струна. Давление резко упало, заставив заложить уши и сжаться желудок. Запах сухого бетона мгновенно испарился, сменившись ледяным, обжигающим дыханием сырой земли, гнилого дерева и того самого, невыносимо знакомого укропа.

Лада почувствовала, как её тело проваливается сквозь что-то невидимое, словно она падала не вниз, а сквозь самую ткань мироздания. Её сознание на мгновение раздвоилось: она одновременно видела бетонный пол под собой и чувствовала влажную, пружинистую землю. Она слышала гул дождя наверху и одновременно — тишину, густую и тяжёлую, как вата.

Это и есть смерть? — подумала она с неожиданной ясностью. Или это рождение? Или просто очень неудачный вторник?

Она приземлилась на что-то мягкое и пружинистое. Больно ударилась плечом о шершавую поверхность и охнула. Фонарик выскользнул из рук и погас.

— Чёрт... — прошипела Лада, потирая ушибленное место и пытаясь совладать с внезапно нахлынувшей тошнотой.

Она открыла глаза. Темнота была абсолютной. Но когда зрение немного привыкло к мраку, она поняла: это не её погреб.

Здесь не было бетонных стен и металлических стеллажей. Вокруг возвышались грубые, почерневшие от времени бревенчатые стены, покрытые белесым налётом плесени. Пол был земляным, усыпанным прелой соломой. А лестница была старой, шаткой, с перилами, обглоданными временем и, судя по всему, мышами.

Сердце Лады пропустило удар, а затем забилось где-то в горле. Паника, холодная и липкая, поползла по спине.

Галлюцинация. Удар головой. Нужно наверх, к Олегу, к детям.

Она на ощупь нашла первую ступеньку. Дерево скрипнуло знакомым, забытым до боли звуком. Именно так скрипела эта лестница десять лет назад. Она поднималась медленно, цепляясь за перила дрожащими руками. В конце лестницы виднелась узкая полоска тусклого, желтоватого света.

Это была не современная дверь с кодовым замком. Это была старая, разохшаяся дубовая дверь с облупившейся белой краской. Та самая, которую они с Женечкой планирова-

ли заменить в первую же весну, но так и не успели.

Лада толкнула её. Дверь со скрипом поддалась.

Она шагнула на кухню и замерла.

Обои в мелкий жёлтый цветок, которые она ненавидела и содрала в первый же месяц после его исчезновения. Старый кухонный стол с прожжённым сигаретой углом. На стене — бумажный календарь.

Но самым страшным было не это.

За столом сидел мужчина.

На нём был растянутый серый свитер, который она помнила до дыр. Его волосы, когда-то густые и тёмные, теперь были тронуты густой, пепельной сединой. Плечи сгорблены. Перед ним на столе лежала развёрнутая карта района, исчерканная красным маркером, и стопка пожелтевших ориентировок с её молодой, улыбающейся фотографией.

Мужчина медленно поднял голову.

Лада увидела его глаза. В них не было безумия. Только тихая, выжигающая изнутри усталость и тлеющий уголёк на-

дежды, которая в эту секунду вспыхнула ослепительным светом.

— Женечка...? — выдохнула она. Голос предательски дрогнул. Внутри закипала десятилетняя обида, смешанная с иррациональным ужасом. — Какого чёрта ты здесь делаешь? Ты решил вернуться? Спустя десять лет?! Ты хоть представляешь, как мне было одной?!

Мужчина не ответил сразу. Он медленно, словно боясь, что она рассыплется в прах, поднялся со стула. Его руки, покрытые мелкими шрамами и мозолями, которых раньше не было, тянулись к ней.

— Ладуш...? — его голос был хриплым, ломающимся. — Ты... ты упала. Я слышал, как ты упала. Десять лет назад. Я обыскал каждый сантиметр этой земли. Я не бросал тебя. Клянусь... Василиса и Соня завтра опять приедут, мы будем прочёсывать овраг за домом. Мы не перестали искать...

Лада попятилась назад, к двери погребка. Её разум отказывался принимать картину.

И вдруг, сквозь толщу пола, сквозь стены этого невозможного дома, до неё донёсся звук. Приглушённый, далёкий, но абсолютно отчётливый.

Звон бокалов. И смех Василисы: «...весь его генофонд об-судим!»

Они были там. В её реальности. В её отремонтированном доме, с её детьми наверху и мужем в спальне. А она стояла здесь, перед человеком, которого считала предателем, и понимала одну леденящую душу истину.

Она не вернулась домой. Она провалилась в трещину мира.

В ту самую ветку реальности, где десять лет назад, оказывается, исчезла она, а не он...

Глава 2

Мозг Лады работал в аварийном режиме, выдавая одну гениальную мысль за другой, словно это был не стресс, а распродажа в магазине идей со скидкой девяносто процентов.

Так, Лада. Выдохни. Ты упала. Ты ударилась головой. Это очень подробный, очень жестокий стрессовый сон. Сейчас ты моргнёшь, и перед тобой снова будет бетонный пол, умный дом и Соня, доедающая твой сыр.

Она моргнула.

Женечка всё ещё стоял перед ней, протягивая дрожащие руки. Жёлтые обои никуда не делись. И запах укропа бил в нос с такой силой, что хотелось чихать и одновременно плакать.

Странно, как работает реальность, подумала Лада с неожиданной ясностью. Когда ты ребёнок, мир кажется огромным и бесконечным. Когда вырастешь — сжимается до размеров квартиры, работы и маршрута до магазина. А сейчас, похоже, он сжался до размеров этой кухни с обоями в цветочек.

— Нет, нет, нет! — взвизгнула Лада, отшатываясь от него, как от зомби в дешёвом хорроре. — Это не сон! Мне нужно обратно! Олег меня убьёт!

Она рванулась к двери, схватилась за облупившуюся ручку и дёрнула на себя.

Ничего. Ручка ходила ходуном, но дверь словно вросла в косяк. Лада навалилась на неё всем весом, пнула ногой и снова дёрнула.

— Откройся, ты, кусок гнилого дуба! — закричала она, чувствуя, как к глазам подступают горячие, злые слёзы. — У меня там дети! Егору семь, Анне пять! Они проснутся, а меня нет!

— Ладущ, стой! Ты же расшибёшься! — Женя бросился к ней, перехватывая её руки. Его ладони были грубыми, горячими и пугающе реальными. — Успокойся, пожалуйста. Ты упала. Ты, наверное, сильно ударилась головой. У тебя шок или... или амнезия. Сейчас я принесу воды и холодное полотенце.

— Какая к чёрту амнезия, Женя?! — Лада вырвалась и ткнула ему в грудь указательным пальцем. — Я помню всё! Я

помню, как ты сбежал десять лет назад! Я помню, как я одна платила за этот сарай! Я помню, как вышла за Олега, потому что он, в отличие от некоторых, не исчезает в подвалах по щелчку пальцев!

Женя отшатнулся, словно она ударила его. В его глазах мелькнула такая дикая, неприкрытая боль, что Лада на секунду подавилась собственной тирадой.

«Боже, что я наделала?» пронеслось у неё в голове. Я попала сюда на машине времени, а веду себя как бывшая жена из мыльной оперы.

Но отступать было некуда.

— Я не сбежал, — тихо, но твёрдо сказал он. — Я спустился за тобой через три секунды после того, как ты упала. Там была только пустота. Я рыл землю руками. Я обшарил всё в радиусе ста километров. Я не спал нормально десять лет, Лада.

Он медленно подошёл к столу, взял со стула свою старую, потрёпанную куртку и достал из внутреннего кармана бумажник. Вытащил оттуда сложенный вчетверо листок и протянул ей.

Лада взяла его дрожащими пальцами. Это была её собственная фотография. Та самая, что была на ориентировке. Но на обороте знакомым, слегка неровным почерком Жени было написано: «Лада. 14 октября. Нашёл в её кармане перед тем, как она исчезла. Я найду тебя. Клянусь».

Сердце Лады ёкнуло. Она провела пальцем по чернилам. Они были старыми, выцветшими.

Время, подумала она. Время — это не река. Это дерево. И иногда, если очень сильно захотеть, можно перепрыгнуть с одной ветки на другую. Только вот вопрос: зачем? И как потом вернуться обратно?

— Ладно, — выдохнула она, чувствуя, как почва уходит из-под ног. — Допустим. Допустим, ты не врёшь. И допустим, что я каким-то чудом провалилась в... в параллельную реальность, где время застыло или пошло по другому пути.

Она лихорадочно полезла в карман своих домашних джинсов и достала смартфон. Экран загорелся ярким, чужеродным светом в полумраке кухни.

— Смотри, — она ткнула ему в лицо устройством. — Видишь это? Это телефон. Смартфон. У нас таких ещё не было, когда я «исчезла».

Женя прищурился, разглядывая светящийся прямоугольник с подозрением, с каким обычно смотрят на бомбу замедленного действия. Он и сейчас не понимал что в руках Любимой. Его жизнь остановилась лет десять назад...

— Это что, новый калькулятор? — осторожно спросил он.

Лада фыркнула, несмотря на весь ужас ситуации.

— Да, Женечка, это супермегакалькулятор, который считает мои нервные клетки. Смотри сюда.

Она разблокировала экран, открыла галерею и быстро пролистала сотни фото, пока не нашла нужные. Она развернула телефон к нему.

На экране был семилетний Егор, беззубо улыбающийся во весь рот, с мороженым на носу. Следующее фото: пятилетняя Анна в костюме принцессы, сжимающая плюшевого медведя. И третье фото: они все вчетвером на море. Лада, смеющаяся, Олег с пивным животиком и загорелыми руками, обнимающий её за плечи, и двое детей.

Женя смотрел на экран. Его лицо побелело. Он протянул руку, но не коснулся стекла, словно боялся обжечься.

— Это... это ты? — его голос дрогнул. — Ты выглядишь... старше. Но счастливее. А это... это дети? Твои?

— Мои, — отрезала Лада, и в горле снова встал ком. — Егор и Анна. И мне нужно к ним. Прямо сейчас.

Она снова бросилась к двери погребца, но Женя оказался быстрее. Он встал между ней и дверью, преграждая путь. Не агрессивно, но решительно.

— Нет, — сказал он. — Ты не пойдёшь туда снова. Ты только что упала. Ты в шоке. Если там действительно... то, что ты говоришь, ты не можешь просто так взять и прыгнуть обратно. А вдруг ты исчезнешь навсегда? Или умрёшь?

— А вдруг я уже умерла?! — закричала Лада. — Женя, пусти! У меня там муж, который, может быть, уже звонит в полицию, потому что я не выхожу из погребца уже полчаса!

— Прошло десять лет, Лада! — крикнул он в ответ, и в его голосе прорвалось отчаяние. — Для меня прошли десять лет! Ты не можешь просто перечеркнуть это, показав мне картинки в калькуляторе!

Они стояли друг напротив друга, тяжело дыша. Десять лет

любви, десять лет обиды и десять лет одиночества столкнулись в этой тесной, пахнувшей укропом кухне.

Любовь, подумала Лада с горечью. Любовь — это не когда ты находишь идеального человека. Это когда ты находишь того, кто готов ждать тебя десять лет, даже если ты этого не просила.

И вдруг тишину разорвал звук.

Снаружи, за окном, хрустнула гравийная дорожка. Яркий свет автомобильных фар скользнул по жёлтым обоям, выхватив из мрака пылинки, танцующие в воздухе. Дверца машины хлопнула.

А затем раздался голос. Немного гнусавый, громкий и до боли знакомый.

— Женечка! Ты дома? Не спишь? — донеслось с крыльца. — Я привезла тебе пирог с капустой и новые распечатки! Я в этот раз три группы в «Одноклассниках» обшарила, нашла ещё двух женщин, похожих на Ладу! Одна вообще в Твери живёт, представляешь? Я тебе фотки на планшете покажу, там одна — ну прямо вылитая она в тридцать лет! Только волосы рыжие, но мы же знаем, что она могла перекраситься! Женечка, открывай, у меня пирог стынет!

Лада замерла. Её кровь превратилась в лёд.

Это была Василиса.

Но не та Василиса, которая пять минут назад смеялась над генофондом Жени за бокалом глинтвейна в её, Ладином, современном доме. Это была Василиса из этого мира. Та, которая десять лет верила, что Лада мертва или пропала без вести. Та, которая сейчас стояла за дверью с пирогом и распечатками из соцсетей, готовая войти и увидеть... кого? Призрак? Галлюцинацию от горя?

Боже, — подумала Лада с внезапной, пронзительной ясностью. — Она до сих пор ищет меня. Десять лет. В группах пропавших без вести. В «Одноклассниках». По фотографиям незнакомых женщин. Она не сдалась. А я всё это время думала, что она меня осуждает.

Как же мы все ошибаемся друг в друге. Как же мало мы знаем о том, что происходит в головах у тех, кого считаем близкими.

Женя медленно перевёл взгляд с двери на Ладу. В его глазах читался немой вопрос: «Что мы будем делать?»

Лада посмотрела на дверь, потом на смартфон в своей руке, экран которого погас, оставив их в полумраке.

— Чёрт, — прошептала она. — Я даже не знаю, как объяснить ей, что я не сошла с ума.

Она схватила смартфон и нырнула в кладовку рядом с кухней, притворив дверь ровно в тот момент, когда входная дверь дома скрипнула, впуская в холодный, пахнувший укропом вечер тёплый, живой голос Василисы:

— Женечка, ты где? Я тут пирог принесла, горячий ещё! И смотри, что я нашла — вон та женщина из Твери, она вообще-то замужем, но вдруг это Лада под чужим именем? Я ей в личку написала, она пока не ответила, но ты не переживай, я добьюсь!

Лада, сидя на корточках среди старых банок и пыльных коробок, зажала себе рот ладонью, чтобы не рассмеяться и не заплакать одновременно.

Вот оно, — подумала она. — Настоящая любовь — это не стихи при луне. Это когда твоя подруга десять лет пишет в личку незнакомым рыжим женщинам из Твери, потому что не может смириться с тем, что ты исчезла.

А где-то там, за стеной, на кухне, уже накрывали на стол. И пахло пирогом с капустой. И тёплым тестом. И десятью годами, которые нельзя вернуть, но можно хотя бы разделить с теми, кто ждал.